

«Понаехали тут всякие...»

В Переславле подступы к одному из рынков всегда усеяны колоритным десантом местных бабуль. Как правило, все они давно знают друг друга и в отсутствие покупателей не спеша перемывают косточки каким-то своим обидчикам на фоне уже перемытой моркови, капусты или вёдер картофеля. Но среди этой привычной массовки взгляд мой вдруг натывается на молодого парня явно азиатской внешности. Упругие чёрные волосы, короткие усы, длинное пальто на манер узбекского чапана и... глубокий и какой-то печальный тёмный взгляд. На фоне белого снега. Поёживаясь от холодного ветра, он как-то уныло и безнадёжно смотрит на прохожих, равнодушно снующих вокруг его мешочка с кубанскими семечками... И кто его только поставил на этом «бойком» месте?

Вскоре, однако, базарная ситуация меняется. К углу переулка приближается ещё одна пожилая женщина в бывалом тулупчике, и молодой азиат на глазах съёживается и настораживается. И не зря. Женщина бросает на него явно недружелюбный взгляд и, словно ища сочувствия, взрывается криком:

— Опять ты тут расселся? Мы же тебе говорили, что это наше с Маней место... А ну-ка, давай отседова, мотай к своему папаше! Понаехали тут всякие черно...

Окончание фразы женщина слегка заглтывает, но и без этого угадывается её смысл. Сердитая бабуля меж тем двигает в сторону парня, вроде бы ненароком давит его в сторону, словно хочет наступить и на мешочек как виновника напряжённости, ею же самой созданной. Парень испуганно, боясь более агрессивных действий, подхватывает своё добро и отходит в сторону, рассеянно озираясь по сторонам.

— Давай сюда, Абдулла, нам с тобой места хватит, не связывайся ты с этой...

И молодой мужчина в армейских сапогах и пожухлой куртке армейского десантника тоже слегка приглушает явно непечатное слово.

Базарные бабули переключаются на обсуждение новой ситуации. Оказывается, их решительная товарка вот уже третий месяц наезжает на Абдуллу, вообще протестуя против его проживания в Переславле. Есть у нас такие добровольные устанавливатели житейских норм.

И тут я понимаю, о ком и о чём идёт речь. Оказывается, этот Абдулла — сын бывшего «афганца» Холмухаммада Абдуллаева из-под Душанбе, с кем довелось познакомиться в одну из встреч в стенах военкомата. Здесь собрались тогда русские, украинцы, татары и башкиры, которые воевали в Афгане в разные сроки кровопролитной девятилетней войны.

Мне самому довелось более двадцати лет жить на границе Узбекистана с Таджикистаном, и я живо представлял себе его родные места возле городка Турсун-Заде в западных отрогах Памирского высокогорья. Спустя десяток лет после окончания афганской войны неспокойно в этих местах. Отголоски начавшейся сразу после распада Союза гражданской войны до сих пор калечат судьбы земляков Магомада, как зовут его в Переславле.

Незадолго перед началом афганской кампании успел Холмухаммад только что окончить ветеринарное училище в Душанбе. И в двадцать лет «загремел под фанфары» ещё южнее своих родных мест. Его, знавшего русский язык и крепкого телом, взяли переводчиком во взвод батальонной разведки.

— Может, кто думает, что я сидел в штабной палатке, а ко мне приводили мирных афганцев, и мы их допрашивали? Как бы не так! Когда к кишлаку только подходили «шу-

рави», то есть советские, там всё вымирало. Население словно растворялось в близких горах и ущельях. На местах оставались немощные старики и малые дети... Любые сведения приходилось доставать с боем, даже агентура могла вести двойную игру...

Не раз и не два бойцы разведроты попадали в засаду. Не раз и не два с кровью и потом уходили от неминуемой гибели. Моджахеды особенно зло расправлялись не с шуравиноверцами, а именно с таджиками и узбеками, служившими в Советской армии. Закон кровной мести распространялся на них и после армии. И когда кавалер двух боевых медалей и ордена Красной Звезды прибыл после демобилизации домой, то понял, что ни работы, ни мира на родной земле не будет. Здесь ему дали понять, что кто-то на него кровно обижен и в случае чего... Понял Холмухаммад, что не будет мира под чинарами Памира.

Вспомнил тогда, что есть у него в Москве армейский товарищ, которого один раз километра три пришлось окровавленного тащить на себе. Поехал в белокаменную, стал наводить справки. Но оказалось, что после Афгана, не получив многого из обещанного, вступил тот товарищ в споры с законом, несколько раз попадал в неприятности, а потом и вообще растворился где-то на просторах России, уехав на заработки. Вспомнил Холмухаммад и про второго товарища, что в Переславле. Тот оказался крепче и надёжнее, без «афганского синдрома». Дал на первый срок пристанище, помог с пропиской. Хотел было Абдуллаев пойти работать ветеринаром, но куда там — от ферм и без войны остались рожки да ножки... Стал поторговывать тем, что привозили земляки-таджики в Москву. Трудно на первых порах приходилось.

А тут ещё из Душанбе позвонили, что уже к сыну кое-кто присматривается. Хочет наркокуррьером сделать. Работы-то в его родных местах нет. А зелья через Пяндж — сколько угодно! Позвал тогда Холмухаммад сына к себе, делом каким-никаким привлёк заниматься. Вдвоём снимают угол, прописка одна на двоих, но со временем что-нибудь изменится...

— И понимаешь, брат, плачу за свою коммерцию все налоги, только за место отваливаю 250 и больше в месяц, имею все сертификаты на торговлю, кручусь, как и другие земляки на ваших базарах... И находятся такие вот добровольные ведьмы, не нравятся ей чёрные, и всё тут! Ты думаешь, она на меня не наезжала? Сколько раз! Пытался узнать, что ей мои земляки плохого сделали, но ничего, кроме злого крика, не услышал... Как таких остепенить? А ведь кое-кто к ним прислушивается...

Может быть, и прислушиваются. Это из тех, кто ещё лет десять назад пытался разогнать кавказцев на другом малом базаре. Пожалеть только таких ущербных можно. Кто и когда заразил их бациллами бытового шовинизма, откуда это?

...В далёком 1941-м моя тётка с матерью с трудом попали в товарный состав, шедший в глубину России из-под Каменец-Подольского. Немец с Западной катился уже в центр Украины, и тысячи беженцев устремились подальше от беды. Мать с тёткой вспомнили тогда о далёкой Средней Азии, где жили родственники, и повернули на юг, почти всё распродав и обменяв по дороге.

Из Ташкента пришлось катить ещё дальше, в Ферганскую долину, где плотно, по-соседски жили и узбеки, и таджики, и киргизы. Это сейчас у них границы и чересполосица... Приютили женщин тогда узбеки и таджики, одни в Коканде, другие в Исфаре. Делились чем могли, даже последней лепёшкой, пока женщины сами не нашли занятие, дожидаясь своих мужей-фронтовиков. Один вернулся, другой нет.

Теряли своих родственников и близких и наши новые друзья. Общая беда спланивала людей, жили без замков и юристов, верили просто честному слову. Миллионы русских, украинских, белорусских пацанов выросли с тех пор под южным солнцем, получили в Средней Азии образование и никогда уже не посмотрят косо в сторону торговца из тех краёв. Знают, что не погоня за длинным рублём погнала их из родных краёв, а жестокая нужда. Да, могут быть среди них и наркокурьеры, но таких один из тысячи. Что ж, весь народ чернить и примерять наручники? Трудно об этом даже подумать тем, кто жил под южным солнцем и вместе со школьными товарищами пел первые русские, да и таджикские, песни... Так же думают, уверен, и те русские парни в погонах, что охраняют южные рубежи СНГ от экстремизма и терроризма.